

The article was submitted on 22.03.2023

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-50-62>

УДК 94(571) 39 (392) + 271.2

**«ЖИЛА-БЫЛА ОДНА БАБА».
СЕМЕЙНАЯ ДРАМА СВЯЩЕННИЧЕСКОЙ ЖЕНЫ
ЛЮДМИЛЫ КАПИТОНОВОЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)¹**

Александр Хохлов

Казанского (Приволжского) федерального университета,
Казань, Россия

**"THE LIVED-WAS ONE WOMAN".
FAMILY DRAMA OF THE PRIEST'S WIFE
LYUDMILA KAPITONOVA
(BY THE MATERIALS OF THE STATE
ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)**

Alexander Khokhlov

Kazan Federal University,
Kazan, Russia

Introduction. The article uses a concrete historical example through an anthropological approach to make one of the first attempts in Russian historiography to highlight the problem of the place, role and position of women within the family and intra-church relations of the early XX century. **Materials and methods.** The analysis of archival material demonstrates a complex system of communication and deep psychological and cultural contradictions in the environment of the provincial parish clergy of the period under review. A woman was assigned a subordinate role in it, while her violation of the traditional order turned into adverse consequences. **Results.** The increase in the level of education of women and, as a result, the strengthening of their intellectual, legal and cultural emancipation in the post-reform period, ran into patriarchal attitudes of the church environment. The clash of tradition and innovation resulted in acute interpersonal and intra-group conflicts, during which the parties often annihilated basic ethical rules. It is noteworthy that, acting as an arbiter in the clashes of subordinates, the hierarchy sought to counteract the penetration of cultural and psychological innovations into the Orthodox community. It happened that such protectionism went against the canons and legislation of the church, turning into a violation of the key principles of justice. Nevertheless, thanks to this orientation and practical approaches, the church sought to achieve mental homogeneity of the clergy and internal stability of the system in conditions of external social turbulence. **Conclusion.** The author comes to the conclusion that the church society was a closed system with a very peculiar matrix of norms and rules, hanging in a stable disequilibrium between traditionalism and post-reform modernism.

¹ Оригинальная статья.

Citatoin: Hohlov A. Family drama of the priestly wife Lyudmila Kapitonova (based on the materials of the state archive of the Republic of Tatarstan) // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 50-62. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-50-62. Хохлов А.А. «Жила-была одна баба». Семейная драма священнической жены Людмилы Капитоновой (по материалам государственного архива республики Татарстан) // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 8-16. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-50-62

© Хохлов А., 2023

The church, which was based on a patriarchal way of life, was not ready for the correction of gender roles in the conditions of innovative changes, even where this did not pose a direct threat to its cultural tradition.
Keywords: church, clergy, conflict, justice, family, bishop, priest, mother, suffering, violence.

Введение. В статье на конкретном историческом примере посредством антропологического подхода предпринимается одна из первых в отечественной историографии попыток освещения проблемы места, роли и положения женщины в рамках семейных и внутрицерковных отношений начала XX в. **Материалы и методы.** Анализ архивного материала демонстрирует сложную систему коммуникации и глубокие психологические и культурные противоречия в среде провинциального приходского клира рассматриваемого периода. Женщине в ней отводилась подчиненная роль, тогда как нарушение ею традиционного порядка оборачивалось неблагоприятными последствиями. **Результаты.** Повышение уровня образования женщин и, как следствие, усиление их интеллектуальной, правовой и культурной эмансипации в пореформенное время, наткнулось на патриархальные установки церковной среды. Столкновение традиции и инновации выливалось в острые межличностные и внутригрупповые конфликты, в процессе которых сторонами нередко аннигилировались базовые этические правила. Примечательно, что, выступая арбитром в столкновениях подчиненных, иерархия стремилась противодействовать проникновению культурных и психологических новшеств в православное сообщество. Случалось, что такой протекционизм шел в разрез с канонами и законодательством церкви, оборачиваясь нарушением ключевых принципов правосудия. Тем не менее, благодаря указанной ориентации и практическим подходам, церковь стремилась достичь ментальной гомогенности духовенства и внутренней стабильности системы в условиях внешней социальной турбулентности. **Заключение.** Автор приходит к выводам, что церковный социум представлял собой замкнутую систему с весьма своеобразной матрицей норм и правил, повисавшей в устойчивом неравновесии между традиционализмом и пореформенным модернизмом. Церковь, базировавшаяся на патриархальном укладе, была не готова к коррекции гендерных ролей в условиях инновационных изменений даже там, где это не несло прямой угрозы ее культурной традиции.

Ключевые слова: церковь, духовенство, конфликт, правосудие, семья, архиерей, священник, матушка, страдания, насилие.

1. Введение.

Женская тема» как часть исторического прошлого России в последние десятилетия прочно заняла место в ряду актуальных исследовательских направлений. Значительный вклад в его разработку внесла Российская ассоциация исследователей женской истории (РАИЖИ) – профессиональное сообщество специалистов в области социальной истории, культурной и исторической антропологии, этнологии повседневности, «вдохновленных идеей написания обновленной социальной истории, в которой есть место женским именам, женской системе ценностей, анализу женских форм социального самовыражения» [14]. Благодаря их усилиям и энтузиазму, в научный оборот введены значительные пласты оригинальных источников, раскрыты и осмыслены многие малоизвестные страницы отечественной истории, длительное время остававшиеся на обочине магистрального научного поиска. Репрезентация прошлого сквозь призму женщины-личности и женщины как части социальной системы открыла взору нашего современника удивительно сложную, а порой и драматичную картину ее судьбы в жестких рамках традиционной культуры в различные исторические эпохи [9, 10, 15].

Тем не менее, обозначенное явление в пространстве религиозных субкультур едва ли может похвастаться столь пристальным к себе вниманием. В русской церковной истории женская проблематика пока не нашла свою нишу. Ассоциированные с церковью исследователи, получившие возможность вернуться на ниву свободного научного поиска немногим более трех десятков лет назад, все еще заняты вопросами иного, более традиционного плана. Тем временем для нецерковных специалистов церковный социум в его макро- и микроисторических срезах во многом продолжает оставаться terra incognita: то ли в силу специфичности объекта, то ли из-за латентной идеологической предубежденности представите-

лей светского академического сообщества. Таким образом, история религиозных институтов в указанном аспекте сохраняет статус нетронутого заповедника, где пока не ступала нога ученого.

2. Материалы и методы.

Между тем, архивные документы таят в себе немало сведений, позволяющих раскрыть картину повседневности, статуса, особенностей культуры и психологии женской половины православного (и иного) сообщества – той гендерной категории, которая в отечественной историографии прочно и, кажется, необратимо обосновалась в мужской тени. И это крайне досадно. Положение женщины – жены, матери, дочери – в семье духовенства дает ключ к основополагающим архетипам и установкам всей социальной группы, матрице присущей ей норм, в нашем случае причудливо сочетавшей христианское благочестие и многоплановые социокультурные паттерны. Благодаря относительно хорошей сохранности архивного фонда Казанской духовной консистории, мы получаем прекрасную возможность, по крайней мере, на локальном уровне, восполнить недостающее звено формирующегося историографического конструкта. «Женские истории» здесь, конечно, не выделены в самостоятельный документальный пласт. Но и в делах общего профиля можно найти достаточно материала, так или иначе затрагивающего обозначенную проблему, и тем ценного.

Наглядным примером может служить «Дело о взаимных несогласиях между священником села Корноухова Свияжского уезда Николаем Малиновским и его женой Людмилой Капитоновой» [6], обнаруженное нами в хранилищах Государственного архива РТ. Дело представляет собой свод следственных материалов духовной консистории, датируемый 1903 г., и касающийся внутрисемейного конфликта одного из епархиальных священнослужителей. Ценность его определяется исключительной и столь не свойственной матушкам священников эпистолярной активностью ключевого участника событий – супруги приходского настоятеля Николая Малиновского Людмилы. Ее усердие, обусловленное жестокой нуждой, позволило заглянуть в закрытый мир гендерных взаимоотношений в среде провинциального клира начала XX в. с присущими ему ценностями, установками, проблемами и невзгодами.

Конечно, имеющиеся материалы необоснованно считать типичным, своим содержанием олицетворяющими морально-психологический облик всего приходского духовенства поздней синодальной эпохи. Клер был сравнительно многочисленным и оттого культурно и психологически чрезвычайно разнообразным: от образцов безнравственности до святости. Тем не менее, они позволяют провести некоторую ревизию закрепившихся в общественном сознании и историографии стереотипных представлений о семьях священно- и церковнослужителей как нетронутых модернизацией ареалах древнего благочестия и христианской аскезы, уточнить некоторые неоднозначные аспекты этой нетривиальной проблемы.

В условиях турбулентности пореформенного времени православный клир не мог оставаться вне негативных общественных тенденций. Они сотрясали церковь столь же мощно, как и прочие социальные институты. Однако для нас особый интерес представляют все же не экзогенные факторы возникавших здесь проблем, а ее внутренняя рефлексия и реакция на кризисные явления внешней среды.

3. Результаты.

В июне 1903 г. жена священника Людмила Капитонова направила казанскому архиепископу Дмитрию (Ковальницкому) обращение следующего содержания: «В виду того, что муж мой совершенно отказался содержать семью, в виду его деспотического обращения со мной, я вынуждена была 31 мая, во избежание крайнего озлобления с его стороны, удалиться от него. Между тем, я не одна – у меня двое детей. Один из них болен и нуждается в продолжительном лечении. Постоянные неприятности и скудное питание подорвали и мое

здоровье, а средств к жизни в настоящее время нет никаких...» [6, л. 2–2 об.]. Женщина жаловалась на сварливый характер супруга и его жестокость, не позволявшие ей более оставаться с ним в одном доме и просила удержать в пользу их общих детей часть жалования отца.

Судя по всему, послание было далеко не первым, и ранее матушка уже печаловалась епархиальным архиереям. Тем не менее, положительного эффекта это не имело, что и побудило ее действовать самостоятельно: прихватив детей, тайно бежать от мужа в уездный городок Свияжск. Но и в этот раз архиепископ, не проявляя особого интереса к застарелой драме своих подопечных, поставил на прощении резолюцию, ограничивавшую вмешательство церковной власти вменением благочинному священнику Петру Давыдову «вразумить» собрата по служению.

Отец Давыдов принял поручение к исполнению и вскоре попытался организовать примирительную встречу мужа и жены при своем третьейском участии. Однако примирению не суждено было состояться. Как выяснилось, у Людмилы Капитоновой попросту не оказалось средств на проезд, да и оставить малолетних детей без присмотра она не могла. Женщина лишь прислала благочинному жалобу на супруга, в очередной раз подробно перечислив его прегрешения. «Весьма трудно и почти невозможно разбираться в семейных дразгах и вывести заключение, кто прав, и кто виноват», – констатировал благочинный, поспешно «умывая руки», и витиевато прося архиерея самому разобраться в конфликте [6, л. 5 об.].

Закономерно встает вопрос, в чем была подлинная причина разногласий в священнической семье. Поэтому здесь уместно обратиться к позициям сторон. Предоставим слово матушке.

С ее слов, в мае 1902 г. разгорелся конфликт между бывшим приходским старостой и ее мужем. Постоянная вражда, ссоры и тяжбы, в которые оказались вовлечены и некоторые прихожане, озлобили и ожесточили священника. Постепенно он стал вымещать эмоциональное напряжение на семье. «И прежде скупой, мрачный и подозрительный, тяжелый характер его сделался положительно невыносим, – писала женщина [6, л. 6]. Его подозрительность в том, что почти все желают ему одного худого, доходит до болезненности. Без всяких поводов с моей стороны он стал видеть во мне какую-то разорительницу. Никакие уверения и фактические доказательства не действуют на него. Все свои рясы, тулупы и даже провизию (пшеничную муку, чай, сахар, мыло) он снес в церковь. Провизию он стал выдавать на срок в крайне ограниченном количестве. Дети просят сахару к чаю, ходят в грязном, я надоедаю ему просьбами, но он только и отвечает: «Время не пришло. Надо по одежке протягивать ножки, приход беден». Горькими слезами омывается каждый кусок сахару. Я не говорю уже об одежде детей. Как только нужно что-то, так прямо жди скандала. Побранишься, поплачешь, да в большинстве и сделаешь на последние гроши из своего приданного. Сердце кровью обливается при мысли, что будет, когда у меня гроша не останется» [6, л. 6 об.].

С течением времени дело стало приобретать более радикальный оборот. В марте 1903 г. о. Николай отвез всю семейную провизию к своей сестре – жене священника соседнего села. Капитонова кинулась мужу в ноги, но он грубо оттолкнул ее и запретил продавцу деревенской продовольственной лавки выдавать ей без своей записки даже спички. Все свободное время священник проводил в семье церковного сторожа Корсакова, бескорыстно снабжая того провиантом и всем необходимым, да так, что «бедняк Корсаков стал зажиточным и выступает советчиком мужа» [6, л. 6 об.]. «В его отношении ко мне видна неограниченная ненависть. Он гонит меня от себя и своею злобой, горькими насмешками и издевательством, то и дело доводит меня до истерики и обмороков. Весь разлад с прихожанами он приписывает мне. Ваше Высокопреосвященство! В Вашей власти облегчить горестное положение семьи, ради маленьких детей, ради всего святого, ради мира, который так дорог для каждого христианина. Выведите моего мужа в двухштатный приход под надзор старше-

го священника или разъедините нас и выдайте мне паспортную книжку – я могу поступить в учительницы, так как окончила курс гимназии. <...> Если же мы будем жить вместе при настоящих условиях, то дело может дойти до большого непоправимого греха. У доброго хозяина собаке живется лучше, чем мне у моего мужа», – в отчаянии заключила матушка [6, л. 7].

В многочисленных письмах женщины епархиальному начальству присутствуют и другие драматичные эпизоды из ее нелегкой жизни. Они не менее симптоматичны. Поэтому привести здесь некоторые из них имеет смысл. Так, в одном из заявлений благочинному она жаловалась, что ее муж «стремился избавиться» от нее [6, л. 2-2 об.]. Однажды в их дом пришел сторож Корсаков, – писала она, и тогда вышла навстречу гостю вместе с мужем. Но о. Николай стал публично и бесцеремонно отталкивать ее. В это время поблизости оказалась теща Малиновского. Священник на глазах престарелой женщины и прихожанина, схватил супругу, уронил и стал «ломать руки»: «Моли Бога, что последнее время ходишь, а то я бы тебя так жамкнул, мокро бы только осталось!» [6, л. 10]. Сквернословя, о. Малиновский во всеуслышание обзывал ее бабой, дурой. В бытность беременности Капитоновой, акушер констатировал, неблагоприятное течение процесса. Но слезы жены и здесь не смягчили ожесточившееся сердце мужа. Увидел их, он сухо сказал: «Не о чем плакать. Лучше позаботиться о своей смерти, а также и о похоронах. Не думай, что я тебя на свое буду хоронить. Поэтому позаботься, чтобы не было скандала при твоём гробе – напиши завещание» [6, л. 11]. Бессердечие и равнодушие священник проявлял даже к собственным детям.

Апогеем взаимной ненависти супругов стало обвинение матушки в краже крупной суммы семейных денег. Из-за этого муж перешел к регулярным избиениям благоверной, сопровождая их угрозами: «Во что бы то ни стало усажу вас (с тещей – А. Х.) в каземат» [6, л. 14]. Судя по всему, побои продолжались несколько лет к ряду, но до поры не выходили за пределы принятой в сельском обществе «воспитательной нормы»¹. Однако к 1903 г. Малиновский в рукоприкладствах дошел до крайности.

Анализируя материалы дела, избыточные примерами агрессивного поведения, жестокости, паранойи и сутяжничества со стороны мужа, даже у неспециалиста невольно возникает подозрение в наличии у священника некой психопатологии. В пользу этого говорит, к примеру, тот факт, что он стремился ограничить доступ семьи не только к провианту, но даже и к личным вещам – крайняя степень недоверия домочадцам. Однако ряд моментов все же позволяет отнестись к этому выводу с осторожностью. Допускаем, что в основе взаимного неприятия супругов могли лежать социально детерминированные факторы, которые, впрочем, не отменяют очевидной болезненности характера о. Малиновского. Предоставим ему слово.

Согласно поручению архиерея, о. Николай обязывался дать письменное объяснение на претензии супруги. Свое видение проблемы он начал с описания морального образа жены, и уже затем перешел к обстоятельствам конфликта. Священник отмечал, что взял Людмилу Капитонову в жены, когда ей был уже 31 год, что по критериям того времени считалось брачной великовозрастностью [13, с. 161]. Отмечая данный факт, священник стремился представить его в негативном ключе: мужчины не рассматривали Капитонову как потен-

¹ Рукоприкладство в отношении жен в социокультурном пространстве села было довольно распространено и не считалось чем-то из ряда вон выходящим. В. Б. Безгин пишет по этому поводу: «Безотчетная власть мужа над своей женой отражена в народных поговорках: «Бью не чужую, а свою»; «хоть веревки из нее вью»; «жалей, как шубу, а бей, как душу». Этот варварский обычай, шокировавший просвещенную публику, в деревне являлся делом обыденным. С точки зрения норм обычного права побои жены не считались преступлением, в отличие от официального права. Рукоприкладство в деревне было чуть ли не нормой семейных отношений. «Бить их надо – бабу да не бить, да это и жить будет нельзя» [1, с. 101]. Конечно, в культурном плане духовенство стояло неизмеримо выше своих пасомых. Однако пожизненная привязка к крестьянской среде неизбежно накладывала отпечаток и на психологию приходского клира.

циальную супругу. Это подозрительное обстоятельство, однако, не помешало молодому Малиновскому сделать предложение засидевшейся в девицах женщине. Людмила была образована, закончила гимназию и, с его слов, успела вкусить вольную жизнь, несовместимую с образом священнической жены [6, л. 14]. Примечательно, что именно образованность он оценивал крайне негативно, сетуя, что интеллектуальная самодостаточность женщины каким-то образом роняла авторитет мужа в глазах епархиального начальства.

Напряжение проходит красной нитью через все письмо священника, озабоченного подозрениями в тайных кляузах супруги в консисторию. Негативно представлен в нем и образ тещи. Характеризуя ее, о. Малиновский жаловался на свободный нрав родственницы. С его слов, женщина бросила законного мужа и с дочерью в качестве экономки ушла к вдовцу. Это сомнительное, с точки зрения церковной морали, поведение и сознательное воспитание тещей будущей матушки на принципах эмансипации принесло свои дурные плоды. Апогеем вероломства женщин стала кража ими по предварительному сговору 700 руб. из семейных сбережений. «Все это заставило меня взять хозяйство в свои руки и некоторые вещи даже хранить вне дома», – резюмировал священник [6, л. 15]. Со своей стороны, он так же просил архиерея «умиротворить дух жены ради детей» [6, л. 15 об.]. Но «с переводом меня в двухштатный приход расходов должно быть больше, а значит и поводов к кляузничеству со стороны жены должно быть больше» [6, л. 15 об.].

Как ни парадоксально, но духовная консистория, удовлетворилась рапортом и поспешила положить дело «на полку». Однако поверхностное отношение церковного начальства к конфликту, не означало, что он урегулировался сам собой. Дальнейшее развитие событий не только демонстрирует его сохраняющуюся динамику, но и позволяет приблизиться к разгадке интриги противостояния.

В 1904 г. Людмила Капитонова, продолжавшая жить отдельно с о. Малиновским, но юридически оставаясь его законной женой, обвинила мужа в прелюбодеянии. С ее слов, священник издавна тайно встречался, а впоследствии и сожительствовал с прислугой крестьянкой Прасковьей Григорьевой. Его не останавливала даже смерть нескольких детей – трагедия, жестоко ударившая по здоровью супруги. На этом основании консистория вновь обязала клирика дать разъяснение. О. Малиновский парировал, что жена «больна истерией», признаком чего и является ее склонность к необоснованной подозрительности и кляузничеству [6, л. 16 об.]. Манипулируя статусом кормильца семьи, священник упрашивал начальство не давать ход делу или, по крайней мере, перенести формальное следствие на тот период, пока он сможет накопить в банке достаточно средств для своих малолетних отпрысков [6, л. 17 об.]. Проблема заключалась только в том, что консистория была осведомлена о полной безучастности священника в содержании семьи, не говоря уже о несуществующем намерении открытия сберегательных счетов. Объективно церковные чиновники не могли не видеть в этих уговорах некое лукавство и стремление избежать или отсрочить наказание. Однако было решено этого не замечать.

По распоряжению правящего архиерея, консистория все же вызвала обоих супругов на разбирательство. Но в этот раз не явился уже о. Малиновский, сославшись на формальные проблемы и внезапно обострившуюся болезнь. Тем не менее, он вновь письменно заверил духовный орган в своей готовности обеспечивать семью [6, л. 17 об.]. Епархиальной администрации этого оказалось достаточно. Вопрос о преступном сожительстве был спешно «забыт», и о. Малиновский спокойно продолжил служение и настоятельство в храме, нисколько не заботясь о терпящей жестокую нужду семье. Это побудило Людмилу Капитонову вновь и вновь (вплоть до 1907 г.) писать архиерею, в каждом письме умоляя о помощи. Но архиепископ молчал.

Именно на этом этапе вскрываются интересные и, в некотором роде, узловые элементы всего дела, позволяющие проникнуть в его скрытую природу. Дело в том, что скупой характер мужа и его болезненная подозрительность, проявившие себя уже в начале жизни

семьи, побудили матушку еще в 1900 г. (бра́к был заключен в 1899 г.) несколько раз обратиться к архиепископу с просьбой выдать ей, как представительнице духовного сословия, разрешение на преподавание в земской школе. Но раз за разом духовная власть игнорировала ее просьбы. После ухода от супруга, некие «добрые люди» помогли женщине с получением альтернативного разрешения на работу, и она смогла хоть как-то самостоятельно зарабатывать на жизнь [6, л. 55 об.]. Однако денег катастрофически не хватало. Учитывая бездеятельность консистории, в 1907 г. Капитонова решилась на прямое обращение в Синод, минуя епархиальный уровень, в котором она подробно описала свои беды, незаконное сожительство мужа с крестьянкой и консисторскую пассивность.

Необходимо отметить, что прелюбодейным поведением и рукоприкладством священник нарушал не только канонические принципы, но и церковное законодательство, а, следовательно, подлежал суду¹. Скорый запрос канцелярии обер-прокурора из Петербурга, принудил епархиальные власти реагировать. В октябре о. Малиновского вызвали в Казань. Однако священник вновь предусмотрительно не явился на разбор, прислав пространную объяснительную. В ней он безапелляционно обвинил супругу в распутной жизни, а ее продолжительное девичество объяснил обилием ухажеров, присовокупив, что и ее мать одновременно преступно жила с двумя мужчинами [6, л. 36]. В теще и жене он видел коалицию, нацеленную на то, чтобы «тянуть» из него деньги. Клирик не отрицал присутствие в своем доме других женщин, но сваливал их появление на тайный умысел своих родственников: добиться дискредитации священника путем «подкладывания женщин в постель» [6, л. 37]. Впрочем, о. Малиновский признавал, что уже давно не содержит семью, однако не по злему умыслу, а только из благого желания, чтобы жена его жила с ним. Но главное, на что упорно вновь обращал внимание ответчик – образованность жены. Ее он продолжал ставить супруге в упрек, доказывая, что эта лазейка открывала ей дверь в так полюбившуюся в молодости фривольную жизнь [6, л. 35].

Как ни странно, но архиерей и консистория, вопреки уклонению священника от формального разбирательства и явной противоречивости показаний, в очередной раз удовлетворились таким поворотом дела. Не помогло даже то, что Людмиле Капитоновой удалось доказать несостоятельность обвинений в краже семейных сбережений, поскольку деньги оказались ее законным приданным, хранившимся женщиной сообразно обычаю «Мона черный день»². Между тем, именно муж избиениями и угрозами пытался лишить матушку ее последних средств. Так, постепенно сумма вымогательства возросла до 1 тыс. руб. – внушительная по тем временам [6, л. 56 об.].

Готовя ответ в Синод, консистория, следуя формальному подходу, запросила мнение благочинного 2-го округа Свяжского уезда священника Флегонта Сретенского, которому

¹ Согласно каноническим нормам, священнослужитель, уличенный в прелюбодейной связи, извергался из сана. Синодальное церковное законодательство было не менее категоричным. Устав духовных консисторий 1883 г. в ст. 185 указывал на серьезные социальные последствия такого деяния: «*Никто, уличенный в целомудрии или святости брака, не может оставаться в духовном звании, но исключается из оно́го*» [17, с. 72]. Ст. 236 Устава помимо прочего гласила, что ответственное в прелюбодейнии лицо определяется на «*всегдашнее безбрачие и подвергается епитимии по Церковным правилам*» [17, с. 89]. Очевидно, что епархиальные власти не могли допустить реализацию священнической женой права на законный развод по вине ее мужа – духовного лица. Это неизбежно стало бы предметом огласки, создало прецедентную основу и нанесло серьезный ущерб репутации церкви.

² В работе, посвященной общественному и семейному быту русского сельского населения Среднего Поволжья, Е. П. Бусыгин с соавторами указывают, что в крестьянской среде снохи были отделены от содержания на общесемейные доходы, кроме питания и снабжения рабочей одеждой. На свои средства они должны были удовлетворять не только свои потребности, но также иногда одевать мужа и детей. Дочери наследовали имущество от своих матерей. Таким образом, личные сбережения для замужних женщин имели жизненно важное значение [3, с. 96]. К сожалению, у нас не имеется данных, характеризующих данный обычай в среде сельского духовенства. Однако, учитывая схожесть быта этих социальных категорий, допускаем, что они, по крайней мере в отдельных элементах, были идентичны.

по должности был поднадзорен корнауховский приход. О. Сретенский вскоре представил развернутый ответ. Согласно ему, уход матушки Людмилы из семьи и ее поступление на службу земской учительницей стало в округе сенсационным событием и породило множество толков. «Она не захотела нести семейное ярмо и бросила мужа, снова увлекшись так манящей некоторой свободной профессией народной учительницы. А детей взяла к себе потому, чтобы иметь возможность требовать от мужа на их воспитание, да ведь имея при себе детей ей несравненно легче снискать доверие публики и разыгрывать роль угнетенной жертвы» [6, л. 45 об.]. Священник столь же безапелляционно, как и его собрат по служению, винил в конфликте тещу о. Малиновского, тогда как самому ему дал отменную характеристику.

Консистория приняла за основу рапорт благочинного в вопросе интерпретации всего дела. В делопроизводственном журнале от 30 ноября 1907 г. указано, что Людмила Капитонова не являет собой образец добропорядочной христианки и священнической жены, в то время как о. Николай Малиновский – жизни достойной и нравственной [6, л. 45 об.]. «Из имеющейся в консистории переписки усматривается, что разногласие супругов Малиновских возникло на почве неодинаковых взглядов на цель и задачи жизни, обусловленной как происхождением, так и воспитанием того и другого», – гласит документ [6, л. 45–46 об.]. Резолюция на постановлении церковно-административного органа, утвержденная архиереем, подчеркивала, что, исходя из материалов дела, претензии Капитоновой на материальное обеспечение со стороны мужа лишены основания [6, л. 49 об.]. О решении было доложено в канцелярию обер-прокурора, которая приняла его к сведению. Иными словами, обозначенным постановлением в целях решения проблемы бедности, женщине предлагалось вернуться к супругу, хотя прямого указания на это в документах не содержится. Не исключено, что оно могло быть оглашено устно.

Таким образом, епархиальные власти точно обозначили ключевую проблему разывшейся семейной драмы: разность характеров и жизненных позиций супругов. Учитывая тот факт, что возможности перепроверки сведений о. Малиновского о моральном облике родственников у нас не имеется, ограничимся рассмотрением очевидных моментов.

Так, женитьба выпускника семинарии, ориентированного на рукоположение в священники и дальнейшую службу в сельском приходе на выпускнице гимназии, было в рассматриваемый период явлением редким. Церковное начальство, озабоченное в том числе подготовкой будущих матушек, в пореформенное время инициировало открытие епархиальных женских училищ закрытого типа, образование и воспитание в которых осуществлялось в традиционном религиозном духе с преобладанием в программе предметов практической направленности: швейного дела, огородничества, ведения домашнего хозяйства, осуществления материнства и т.д. Именно эти учебные заведения в большинстве случаев становились «поставщиками» кандидаток в невесты для мужской части служащих духовного ведомства.

В гимназиях традиционные воспитательные элементы так же имели место, а нередко и ставились во главу угла образовательного процесса. Однако с середины 1860-х гг. назначение светских женских учебных заведений начинает переосмысливаться. Известный педагог А. С. Воронов в ходе подготовки проекта Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения, отмечал: «В последнее время вопрос о женском труде, об обеспечении женщин посредством труда, стал предметом размышления многих мыслящих людей; в числе разных поприщ, которые могли бы открыться для труда женщин, одно из самых главных есть, без сомнения, воспитание общества; обращение на это поприще значительного числа женщин было бы большою помощью для нашего образования, при недостатке в учителях, и вместе с тем предотвратило бы развитие многих общественных пороков» [5, с. 309]. Иными словами, гимназии постепенно начинали играть одну из ведущих ролей в личной и профессиональной эмансипации их молодых воспитанниц, в

чем прогрессивной частью интеллигенции усматривался социальный и правовой прогресс. Специалисты отмечают, что именно в это время были впервые поколеблены вековые правила нерасторжимости брака, а «жены стали выступать против притеснений в семье – уходили в дом родителей, обращались с жалобами в суд» [16, с. 10].

Довольно интересную картину повседневного быта сельской матушки обрисовала одна из священнических жен в 1904 г. в открытом письме епископу Волынскому Антонию (Храповицкому), бывшему ректору Казанской духовной академии. Письмо было опубликовано в епархиальных ведомостях. «Матушка досуга не имеет: она и нянька, и кормилица, она портниха, кухарка и прачка; она правит домом и хозяйством, вникает в приходские и церковные дела... Раньше всех встать, позже всех ложится, за столом последний кусок, летом босиком, зимой дырявые сапоги и холодное ситцевое платье... При такой жизни немногие сохраняют здоровье и ясность ума. Некоторые становятся пьяницами, чудачками и маньяками (примеров тому немало). <...> Только горячая вера в Бога да безмерная любовь к семье спасает матушек от отупения... И сколько трагизма подчас, незримой глубокой печали содержит их тихая жизнь... Религия, семья, да тесная дружба с крестьянами – вот наша сфера» [4, с. 890-891]. Но что, если Людмила Капитонова была образована «излишне», слабо религиозна и не готова к молчаливой и безвольной участи приходской матушки? Не удивительно, что при таких предпосылках семья священника Малиновского неизбежно оказывалась зажата между двумя мировоззренческими моделями. Происходивший из семьи клирика, и воспитанный в жестких патриархальных традициях, о. Николай, вероятно, не мог смириться с эмоциональной самостоятельностью жены, ее «своенравием», непокорностью и инициативностью. Это било по всей системе его взглядов и самолюбию, не позволяя семье прийти к умиротворению.

Очевидно, индивидуальные черты характера здесь играли не последнюю роль, являясь основой для актуализации социальных эффектов. К примеру, не исключено, что не только Людмила Капитонова, но и ее супруг испытывал некие трудности в рамках поиска спутницы жизни, почему длительное время и оставался в холостяках. Как именно здесь влияли такие его природные качества, как подозрительность и конфликтность, нам неизвестно. Но какие-то акцентуации они, очевидно, порождали.

Между тем, женитьба на великовозрастной кандидатке могла иметь вынужденный характер, когда время и обстоятельства уже поджимали, а приемлемый вариант все не являлся. Бракосочетание же фиксировало неравный статус брака, делая его основой всей последующей семейной жизни. Т. А. Бернштам, затрагивая этот аспект проблемы, приходит к выводу, что молодым отпрыскам духовенства порой приходилось жениться «на поповнах старых, некрасивых и с дурным характером. Жизнь нередко превращалась в ад. Один духовный автор писал: Я знаю одного священника, который прожив с женою около 10 лет, говорил, что не может на нее смотреть без омерзения. И бедняга запил с горя» [2, с. 390].

Внутренние противоречия между желаемым и действительным, сопряженные с неуверенностью в себе, а возможно, завистью и ревностью, порождали в священнике неприязнь к близким. Причем не только по отношению к жене, но и детям, подсознательно олицетворявшим мать. Не исключено, что пресловутый свободолобивый нрав жены интерпретировался мужем как один из факторов ее склонности к адюльтеру. В таком случае, неизбежными становились сомнения в подлинности отцовства, а эмоциональная холодность к детям и отчужденность приобретали внутреннее оправдание. В противном случае, чем объяснить настойчивое акцентирование о. Малиновского на тайной заинтересованности благоверной в некой «свободе»?

Физическое насилие и прочие инициированные им ограничения были средством изменения семейной иерархии, попыткой взять реванш над более образованной и социально

активной супругой за чинимые ею моральные «унижения»¹. В этом же нами усматривается и причина превентивных прелюбодеяний (если таковые действительно имели место), альтернативой в которых выступала не классово чуждая просвещенная и самостоятельная женщина, а социально близкая, безграмотная и покорная, но тем и «более достойная» крестьянка². Таким образом, агрессия и обвинения супруги в аморальности и порочности могли быть не только трансформантами самозащиты или подозрений, но и психологического трансфера – подсознательного переноса собственных чувств, мотивов, желаний и поступков на ненавидимого оппонента.

Не меньший интерес вызывает и реакция на проблему церковной власти. Здесь усматривается срабатывание механизмов корпоративного мышления, вступавшего в прямое противоречие с принципами христианского благочестия и церковной законности. Групповой фаворитизм проявлял себя в откровенной аннигиляции проступков и преступлений духовного лица и идентификации жертвы насилия и притеснения в лице Людмилы Капитоновой как элемента чуждого, нарушающего установленный порядок жизни, а, следовательно, не заслуживающего защиты и сострадания. Корень этой проблемы, очевидно, заключался в причинах общего исторического, психологического, культурного и социального плана. Известно, что молодая светская интеллигенция, прибывавшая из города (земские фельдшеры, учителя и др.) способствовала ускорению процесса разложения традиционного уклада села и тем самым входила с приходским духовенством в антагонизм и жесткую конкуренцию³. «Соблазнительных примеров в последнее время появляется все больше и больше, – писал уездный священник Павел Измайловский (1899). Так, земские врачи, фельдшера, акушерки, учителя и учительницы земских школ, персонал писцов и т.п. считают за глупость <...>, соблюдать посты, молиться Богу, нравственно жить и т.п.» [7, л. 213]. Земские учителя давали фактические знания, но, по мнению клира, не занимались воспитанием подрастающего поколения в духе отеческих традиций [7, л. 91]. Интеллигенция действительно нередко отвечала духовенству непочтительностью, так, как ее понимали поборники старины [8, л. 87]. В этом, с одной стороны, усматривается разность ментальных установок двух социальных групп и одновременно близость сельского клира и деревенского люда. С другой – поколенческий и, как следствие, этический разлом, столь типичный для любого переходного времени [12, с. 322–361].

В 1909 г. Людмила Капитонова вновь обратилась за помощью в получении алиментов к архиерею. Теперь это уже был известный проповедник и филантроп архиепископ Никанор (Каменский). Из прошения мы узнаем, что благочинный священник Флегонт Сретенский был в курсе давней прелюбодейной связи о. Малиновского, а на момент подготовки послания в союзе последнего с крестьянкой уже подрастали незаконнорожденные дети. Парадоксально, отец не проявлял к ним неприязни, как в случае с отпрысками Капитоновой, а заботился о них и, пользуясь знакомствами, пристроил в казанские интернаты на воспитание. Но ни архиепископ Никанор, ни последующие епископы навстречу Людмиле Капитоновой так и не пошли. С 1903 г. в общей сложности женщина обратилась к пяти епархиальным архиереям, но принцип корпоративной солидарности даже спустя годы оставался не-

¹ На наличие и обстоятельства актуализации такого психологического механизма авторитетно указывают психологи [11, с. 50].

² Однако указанное, очевидно, не воспринималось о. Малиновским как достаточное основание для расторжения брака. В таком случае, как отмечалось ранее, он должен был открыто доказать виновность супруги в епархиальном суде. В противном случае, священнику грозила участь самому стать жертвой собственного поведения и быть исключенным из духовного звания.

³ Она берет свое начало в 1870-х гг. в связи с «хождением в народ» – движением революционеров-народников и студенческой молодежи, отправлявшихся в сельскую местность с целью «сближения» с народом и распространения в массах революционных идей. Противоречия сельской интеллигенции и духовенства довольно ярко обрисовала в своем труде участница событий В. Н. Фигнер [18, 112].

преоборим. Дальнейшая судьба женщины и ее детей, равно как и священника Николая Малиновского, неизвестна.

4. Заключение.

Таким образом, жизненный путь священнической жены Людмилы Капитоновой является частным, но показательным примером в контексте освещения малоизученных аспектов повседневности православной церкви в эпоху поздней империи. Не станем утверждать, что подобных прецедентов в архивах встречается множество. Тем не менее, судя по имеющимся данным, поведенческие девиации священно- и церковнослужителей широкого спектра, в том числе, агрессивные и сексуально обусловленные, были четко представлены в быту приходского клира. Во-вторых, внимательный анализ материалов свидетельствует, что за фасадом однобокой и малоактивной позиции епархиальных властей скрывались мотивы куда более сложного порядка. Церковный социум представлял собой замкнутую систему с весьма своеобразной матрицей норм и правил, повисавшей в устойчивом неравновесии между традиционализмом и пореформенным модернизмом. Нащупать баланс в этом положении на практике удавалось далеко не всегда, тогда как в условиях наиболее острых внутренних противоречий, грозивших выйти за пределы духовного сообщества, автоматически срабатывали имманентные охранительные механизмы, подавлявшие априорную нацеленность иерархии на реализацию идеалов благочестия. Ее сомнительные, с этической точки зрения, решения, тем не менее, выгодно обеспечивали устойчивость и формальную незапятнанность системы, поддерживая и сохраняя ее в том качестве и статусе, какой ее хотели видеть сторонники традиционалистской ориентации. Иными словами, церковь, базировавшаяся на патриархальном укладе, была не готова к коррекции гендерных ролей в условиях инновационных изменений даже там, где это не несло прямой угрозы ее культурной традиции. Эта негибкость оборачивалась жизненными трагедиями и резким диссонансом между декларируемой устремленностью к идеалам высшего правосудия и земной практикой. Исходя из этого, обозначенные противоречия следует считать, пожалуй, одним из наиболее заметных маркеров бытия православной церкви рассматриваемого времени.

Список источников и литературы

1. Безгин, В. Б. (2012). *Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века*. Тамбов: Б. В. Безгин. 124 с.
2. Бернштам, Т. А. (2005). *Приходская жизнь русской деревни*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение. 416 с.
3. Бусыгин, Е. П., Зорин, Н. В., Михайличенко, Е. В. (1973). *Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья*. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 165 с.
4. *Волынские епархиальные ведомости* (1904). Житомир, № 28. С. 888-893.
5. Воронов, А. С. (1865). *Материалы для нового положения о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения* // Журнал министерства народного просвещения. 584 с.
6. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 118868. 56 л.
7. ГАРТ. Ф. 4. Оп. 131 Д. 8. 139 л.
8. ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119972. 109 л.
9. *Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание*. (2020). Материалы XIII международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. В 2-х частях / Отв. ред. Н. Л. Пушкарева, сост. А. И. Громова. Москва: ИЭА РАН. Ч. 1. 439 с.

10. *Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы* (2021). Материалы XIV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Кишинев, 30 сент. – 3 окт. 2021 г. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева, сост. А. И. Громова, А. В. Жидченко. В 2 ч. Москва: ИЭА РАН. Ч. 1. 318 с.
11. Кенрик, Д. (2012). *Секс, убийство и смысл жизни*. Санкт-Петербург: Питер. 224 с.
12. Мид, М. (1988). *Культура и мир детства*. Избранные произведения. Москва: Наука. 429 с.
13. Мухина, З. З. (2018). *Русская крестьянка в пореформенный период. Вторая половина XIX – начало XX века*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 736 с.
14. *Российская ассоциация исследователей женской истории*. URL: <http://rarwh.ru/> (дата обращения: 20.09.2022).
15. *Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сборник статей* (2013) / [отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарева]. Москва: Новое литературное обозрение. 856 с.
16. Соловьев, Е. Т. (1888). *Гражданское право: Очерки народного юридического быта*. Казань: Тип. Губ. правл. Вып. 1. 166 с.
17. *Устав духовных консисторий* (1883). Санкт-Петербург: Синодальная тип. 200 с.
18. Фигнер, В. Н. (1922). *Запечатленный труд*. Москва: ЗАДРУГА. Т. 1. 348 с.

References

1. Bezgin, V. B. (2012). *Pravovy`e oby`chai i pravosudie russkix krest`yan vtoroj poloviny` XIX – nachala XX veka* [Legal customs and justice of Russian peasants of the second half of the XIX – early XX century]. Tambov, B. V. Bezgin Publ. (in Russian).
2. Bernshtam, T. A. (2005). *Prihodskaya zhizn` russkoj derevni* [Parish life of the Russian village.]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ. (in Russian).
3. Busy`gin, E. P., Zorin, N. V., Mixajlichenko, E. V. (1973). *Obshhestvenny`j i semejny`j byt` russkogo sel`skogo naseleniya Srednego Povolzh`ya* [Social and family life of the Russian rural population of the Middle Volga region]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo un-ta. (in Russian).
4. *Voly`nskie eparxial`ny`e vedomosti* (1904). [Volyn Diocesan Gazette]. Zhitomir, 28, 888-893. (in Russian).
5. Voronov, A. S. (1865). *Materialy` dlya novogo polozheniya o zhenskix uchilishhax vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshheniya* [Materials for the new regulations on women's schools of the Department of the Ministry of Public Education] in *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshheniya*, 584. (in Russian).
6. *Zhenskoe i muzhs кое v tradicionnoj i sovremennoj kul`ture: soxranenie, fiksaciya, ponimanie* (2020). [Feminine and masculine in traditional and modern culture: preservation, fixation, understanding] in *Materialy` XIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZhI i IE`A RAN. V 2-x chastyax*, отв. ред. Н. Л. Пушкарева, сост. А. И. Громова. Moscow, IE`A RAN, ch. 1, 439. (in Russian).
10. *Zhenskaya istoriya segodnya: istochnikovedenie, istoriografiya, novy`e metodologicheskie podxody`* (2021). [Women's history today: source studies, historiography, new methodological approaches] in *Materialy` XIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZhI i IE`A RAN, Kishinev, 30 sent. – 3 okt. 2021 g.*, отв. ред. Н. Л. Пушкарева, сост. А. И. Громова, А. В. Жидченко, в 2 ч. Moscow, IE`A RAN, ch. 1, 318 (in Russian).
11. Kenrik, D. (2012). *Seks, ubijstvo i smy`sl zhizni* [Sex, murder and the meaning of life]. St. Petersburg, Piter Publ. (in Russian).
12. Mid, M. (1988). *Kul`tura i mir detstva. Izbranny`e proizvedeniya* [Culture and the world of childhood]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

13. Muxina, Z. Z. (2018). *Russkaya krest`yanka v poreformenny`j period. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka*. [A Russian peasant woman in the post-reform period. The second half of the XIX – the beginning of the XX century]. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ. (in Russian).

14. *Rossijskaya asociaciya issledovatelej zhenskoj istorii*. URL: <http://rarwh.ru/> (date accessed: 20.09.2022). (in Russian).

15. *Rossijskaya povsednevnost` v zerkale genderny`x otnoshenij: sbornik statej* (2013). [Russian everyday life in the mirror of gender relations: collection of articles], otv. red. i sost. N. L. Pushkareva. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (in Russian).

16. Solov`ev, E. T. (1888). *Grazhdanskoe pravo: Ocherki narodnogo yuridicheskogo by`ta* [Civil Law: Essays on People's Legal Life]. Kazan, Tip. Gub. pravl. Vy`p. 1. (in Russian).

17. *Ustav duxovny`x konsistorij* (1883). [The Statute of spiritual consistories]. St. Petersburg, Sinodal`naya tip. (in Russian).

18. Figner, V. N. (1922). *Zapechatlenny`j trud* [Imprinted work]. Moscow, ZADRUGA Publ. T. 1. (in Russian).

The article was submitted on 02.03.2023